

The background is a detailed oil painting of a forest path. The path is a mix of green and brown, leading through dark, gnarled tree trunks. The brushwork is thick and expressive, creating a sense of depth and texture. A semi-transparent green rectangular box is centered over the path, containing the title in white, bold, uppercase letters.

Елена Николаева-Цыганкова

**ЗАДУМЧИВЫЕ
РАССКАЗЫ И СКАЗКИ**

Елена Николаева-Цыганкова
Задумчивые рассказы и сказки

«Издательские решения»

Николаева-Цыганкова Е.

Задумчивые рассказы и сказки / Е. Николаева-Цыганкова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939809-3

Есть книги, которые помогают нам коротать время. А есть и такие, которые заставляют нас задуматься. Если книга возвышает душу, вселяя в нее мужество и благородные порывы, судите ее только по этим чувствам; она превосходна и создана рукой мастера. Жан де Лабрюйер

ISBN 978-5-44-939809-3

© Николаева-Цыганкова Е.

© Издательские решения

Содержание

Понедельник	6
Мечты	8
Город	10
Справедливость	11
Память	15
Река	17
Алхимия	19
Скрипка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Задумчивые рассказы и сказки

Елена Николаева-Цыганкова

© Елена Николаева-Цыганкова, 2020

ISBN 978-5-4493-9809-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Понедельник

До чего же устала я от понедельников. Такие трудные они. Такие громоздкие, тяжелые. Будто телегу одна без лошади тащишь. Да и в гору вся дорога.

И так случается, вы сами знаете, мы же всё в свою жизнь умеем притягивать. Вот и притянулась ко мне книга забавная «Жизнь без понедельников».

– Как хорошо, что сегодня воскресенье и мне удастся, возможно, куда-то деть понедельник. И наконец-то в моей жизни наступит безпонедельниковое счастье.

И началось...

Надо было только выпить стакан молока с тремя четвертями з.....ки и закрыть глаза, ну там еще советовали посчитать от единицы до пятиста и от пятиста до единицы. А когда откроешь глаза, окажется, что уже вторник. И начнется не жизнь, а малина.

Быстренько проделала я все эти манипуляции с молоком и со счетом, открываю глаза и бегом к компьютеру, уточнить дату хочется и время тоже. Удивлению моему не было предела. В углу монитора высвечивается вторник 10 февраля 2153 года 8.00 (то есть понедельник 9 февраля потерялся).

Вот, думаю, радость-то какая. Побегу-ка я на работу. А и не могу бежать.

Хочу начать одеваться – не могу вспомнить, с чего это начинается. Ну думаю, раз не идет дело с этой стороны, то надо хоть позвонить на работу, предупредить, что могу задержаться. Хватаю мобильный, а что делать, не знаю.

Ну нас-то ведь так просто не возьмешь, ну думаю, сейчас сделаю ход конем, открою окно, и позову хоть кого-нибудь, ну хоть дворника, вооооон он метет там дорожку у пятого подъезда. Бегу стремглав к окну, а что делать, не могу понять. В мыслях-то оно вроде и просто, а вот сделать никак не могу. Может думаю я перегрелась, надо охладиться, бегом в ванную, думаю голову сейчас под воду ледяную засуну, может и соображать лучше стану. Ведь не было раньше такого, чтобы забывать сталось, как звонить, да в окно кричать. И все опять повторилось, в ванной подхожу к крану, а что делать, не знаю.

Вот тут-то меня слегка и ошпарило мыслью, что ведь понедельник соответствует единице, началу, основанию/основе, причине. И получается ведь так, что если нет начала, то нет и продолжения, ну не может его быть, это ведь по логике так и должно быть. И если кончились понедельники, то кончится и всё. Села я на диван и пригорюнилась.

Думаю, рассуждая таким образом, что если я родилась в понедельник, то меня и нет вовсе. Что, если нет начала, то и солнце не появится, и ночь не наступит. Это так и весна не наступит, ведь начала-то нет, с чего ей наступить? И лета не будет, и зимы. И дети не смогут родиться, и птицы прилететь.

Вот думаю я с ума сошла такие желания задумывать. А вдруг думаю кому-то вторники не нравятся, или субботы, всякие ведь работы есть, и наверное, кто-то где-то не хочет работать. Вот я испугалась-то, не за себя, за птиц испугалась, за солнце, за цветы, за других ни в чем не повинных людей, ведь только из-за моей прихоти не сможет день наступить новый, и птицы не смогут вернуться в родные края, люди забудут, как звонить друг другу, как здороваться.

И от мыслей таких схватила я книгу о понедельниках и сразу глаза в последнюю главу засунула. Оооооо, счастье-то какое, видимо, не мне одной такие мысли приходили в голову, да и дела, которые не начинаются и не заканчиваются, тоже не только у меня случались, в конце главы написано было, если тебя не устроит результат отсутствия понедельников, если тебе небезразличны жизни окружающих и природы, и если ты все же решишь жить в дружбе с собой и понедельниками, то:

Подойди к отражению своему в зеркале, прикрой, стоя так, глаза, но не крепко, сосредоточься, и увидишь, даже с закрытыми глазами увидишь, что за плечом твоим стоит твой

Ангел-хранитель, присмотришь, ведь он смотрит на тебя с любовью. Он там был, есть и будет, он только и занят тем, чтобы помочь тебе в любой день недели, в любой час твой, в каждое мгновение твоей жизни, чтобы жизнь тебе твоя не казалась адом, он пытается тебе помочь сделать твою жизнь цветущим садом, тебе надо только иногда, хотя бы на мгновение, прикрывать глаза и вспоминать, что с тобой рядом всегда твой Хранитель!

Сделала я всё как и было написано в книге. Сделала это даже с каким-то благоговением. А открыв глаза и подойдя к окну, увидела я солнце, которое уже взошло, птиц, которые, несмотря на ранний час, уже галдели по-весеннему на ближайшем кустарнике. И подумалось мне, лучше пусть будут понедельник, пусть лучше я устану на работе, но пусть будет ВСЁ!

Ведь если нет начала у дня, то нет у него ни продолжения, ни конца. А это, как мне показалось, гораздо страшнее понедельников!

Мечты

*...Скоро рассвет, сумрак окрашен
Розово – белой каймой,
Луч очертил контуры башен,
Нам возвращаться домой...
«Дождь и я» Алиса*

Как-то раз в небесной стране еще нерожденных людей, происходил выбор. Каждому, кто должен был в скором времени родиться, давали время на обдумывание своей новой жизни. Кому и как бороться со своими привычками и наклонностями неприятного характера.

Один нерожденный ещё человек говорил: Была у меня когда-то заветная мечта, подарить всем людям в городе, в котором буду жить, по красивому большому дому и большому цветущему саду. В прошлом у меня не было такой возможности, потому что я был небогат, и был к тому же скрягой. В этой же новой жизни я обязательно буду богат, я знаю, что для создания богатства необходимы знания, умения и терпение. Нужно много учиться, и стремиться к увеличению прибыли от своего дела.

Но уж потом, когда у меня появятся средства, необходимые для исполнения моей мечты, чтобы все семьи могли жить в своих больших и красивых домах с огромными и цветущими садами, я обязательно воплощу мечту в действительность.

Выслушали его, поверили ему, тем более, что он так убедительно говорил. И отпустили его на выполнение мечты жизни.

У одних замечательных и состоятельных родителей в один из прекраснейших дней родился ребенок. Долгожданный сын. Это как раз и был тот самый человек, отпущенный на Землю выполнять свое обещание, воплощать мечту в жизнь.

Но время пошло медленнее, и со временем, пока мальчик рос, забыл он всё, что говорил и обещал там, в небесной своей стране. Сначала его отвлекали родители, потом игрушки, затем учеба и дела.

Вот наконец-то и пришел в его жизнь достаток. Умножал и умножал он свое и так большое состояние. Мечты, которые на небе ему казались долгом, он забыл, будто их и не было.

Построил он много домов, засадил огромные поля цветами и виноградниками. Поля делились с ним своими цветами необычайной яркости. Виноградники давали наивкуснейший виноград, который продавался по всему миру. В домах, построенных им, жили люди, снимая в них комнаты и квартиры. Продавая всё, он богател.

Купил он себе огромный дом, который был уставлен всем, что можно было только желать. У пристани его ждали несколько яхт, в гаражах пылились сотни автомобилей. Но жажда приобретения новых и новых чудес света и новых вещей не иссякала.

Иногда он видел, когда проезжал мимо своих виноградников и цветочных полей, многих нищих. И только брезгливо морщил нос, говоря: «Ох уж эта нищета, только портят вид своим обликом мои цветущие луга. Зачем такие люди придуманы?»

Ни разу за всю его жизнь не подал он куска хлеба ни птицам, которые ждали его на пристани у яхты, ни людям, которые караулили его возле дома. Никогда не возникало у него желания построить школу для бедных людей или больницу. Уж про то, что когда-то он обещал каждому жителю города цветущий сад и большой дом, он и не вспомнил ни разу.

Вот и прошла потихоньку жизнь его, старость наступила неожиданно. Дети его выросли и стали такими же как и он. Жадными и брезгливыми, высокомерными чудовищами без тени снисхождения к слабым и бедным людям.

Лежа в больнице, оставленный своими родными на попечение няnek и врачей, лежал он долгими днями и ночами почти всегда один. Родные его морщили нос, приходя к нему на свидание в больницу. Уж очень старым и страшным казался им больной их родственник, обессиленный, весь покрытый глубокими морщинами. А потом они и вовсе перестали приходить, пересылая ему лишь изредка букеты с цветами с его полей.

Гулкая боль жила в теле этого бедного богача. Боль не физическая его мучала, боль душевная разъела в нем его черствую оболочку. Лишь на самом краю жизни смог он вспомнить те давние слова, свою мечту, ради которой он и пришел сюда. Но он был рад, что еще жив, и что он сможет еще изменить пусть и не свою жизнь, но жизнь окружающих его. Переписал он свое завещание совсем по-иному. Всем жителям города он выписал средства на приобретение для каждого большого дома и сада.

Всем врачам, которые лечили его, но безуспешно, ведь от старости вылечить нельзя, он так же завещал свои деньги тоже на постройку домов с садами цветущими. Оставшиеся деньги должны были уйти на погашение долгов самых бедных людей города и постройку школ.

И лежа в своей больничной палате, он с радостью и успокоением закрыл свои глаза, вздохнул первый раз в жизни вздохом радостного человека, успевшего воплотить мечту в жизнь.

И тихонько к нему на плечо спустился малыш-ангел, тот самый, который слышал его обещания в стране еще нерожденных.

Город

Где это было, когда случилось, никто не помнит. Помнят лишь то, что передавалось это предание из уст в уста с давних пор.

В одной дивной стране был городок старинный. Дома в нем были построены с таким изяществом, с такой любовью, что вот уже наверное десятое поколение людей сменилось, а домики выглядели так, будто только вчера были сложены умелой рукой мастера.

Ажурные балкончики, увитые плющом и виноградной лозой, черепичные крыши с ангелочками, крылечки с перилами такими радушно открытыми, будто птицы крылья свои распахнули в полете.

Жить бы в таком городе да жить. Но жители того городка, несмотря на красоту, окружающую их, не умели радоваться. Радость ушла из их сердец.

Отчего так случилось, не помнил никто, но все же радость не наполняла дивные дома чудесного города и печальные сердца жителей.

Но в один из дней с гор дальних спустился к ним пастух, увидев, что городок погружен в печаль. Удивился он такому, да и спросил у первого встречного, почему грустны лица жителей.

Ничего не смог ему ответить прохожий. Он и сам грустил. А причины грусти своей не знал.

Пастух распродал на рынке сыр да масло, а на закате сел на главной площади города, достал свою свирель и заиграл на ней.

Вечерние солнечные лучи, подхватив мелодию, затанцевали на балкончиках домов, заискрились в фонтанах, все цветы города направили свои красивые цветущие и благоухающие головы к площади. Настолько была приятна музыка вечера, что ничто и никто не смог остаться равнодушным. Всё и все направили свои сердца к солнцу и к удивительной мелодии.

Пастух, убрав свирель, запел. Голос его нежный, но слышный во всех частях городка, выманил красотой звучания всех жителей из домов.

Жители, удивленно переговариваясь, шли к солнечным лучам, их тянул звук и искрящийся свет, исходящий от главной площади и от солнца.

Не понимая еще причины, почему им стало так легко на душе, почему им хочется улыбаться друг другу, они все шли и шли. По пути они брали друг друга за руки, и от этого прикосновения становилось им еще легче и еще радостнее.

Когда собрались все жители на главной площади, оказалось, что все они крепко держат друг друга за руки. Сплелись их руки тесно, образовался на площади огромный хоровод. Подняв руки вверх, жители подхватили мелодию песни пастуха. Хотя слова песни той им не были понятны, они были так радостны, что кто тише, кто громче подпевали пастуху. И слилась их песнь воедино. Зазвучали сердца их свирелью горною.

С тех пор люди в том дивном городе с ажурными балконами, увитыми виноградной лозой, живут радостно. Утро каждого дня они встречают с песней. Песня сопровождает их в нелегком труде, в горе и в радости. С песней они провожают день.

И помнят они крепко, что печаль может вновь поселиться в их сердцах, если они забудут песню радости, песню сердца. И звучит эта песня всегда на радость жителям, помогая увидеть прекрасное во всем, чего бы их взгляд ни коснулся.

Справедливость

Было это давно.

Поздно вечером я возвращался от давнего своего друга. На ступенях лестничного пролета, между последним этажом, на котором располагалась единственная квартира, в которой я жил, и чердаком, сидел, безудержно рыдая, мальчишка лет семнадцати.

Света на этаже не было. Лампочка в очередной раз перегорела.

Паренек, слышав шаги, хоть и легко я хожу, попытался сдержать рыдания, но всхлипы то и дело прорывались.

Я понял, что он не хотел, чтобы его видел кто-то в таком состоянии. Поэтому, засвистев незатейливую песенку, я загремел ключами и открыл дверь в квартиру.

Свет из прихожей вырвался на лестницу, осветив парня. Взгляды наши встретились.

Мальчишка то ли почувствовал во мне близкое и родное, то ли от боли терзающей его, бросился ко мне. Я, раскрыв объятия, подхватил его.

Едва он коснулся меня, как силы и сознание покинули его. Он был легок, как пушинка. Я занес его в квартиру, и, усадив в комнате в глубокое, пухлое кресло, поставил чайник, догадываясь, что чай вскоре будет лучшим лекарством.

Вернувшись в комнату, я увидел, что мальчишка зябко ежится и укрыл его теплым шерстяным пледом. Чайник и чашки принес с кухни и поставил на столик.

Уселся рядом в соседнем кресле, думая, что ему, возможно, в первый раз в жизни пришлось столкнуться лицом к лицу с болью. А боль такого рода неминуемо настигает всех нас рано или поздно.

Вздрогнули веки у моего гостя, лицо стало сплошной гримасой боли, он открыл глаза, очнувшись от забытья. Вскочил, запутался ногами в огромном пледе и буквально упал мне на колени.

И опять раздалась душераздирающие стоны, слезы не переставая сочились из красных, воспаленных глаз.

Я прижимал его к себе, как ребенка, качал его, гладил по вихрастой светловолосой голове. Он забывался, засыпал, потом все повторялось. Так почти всю ночь мы и просидели, словно мать и дитя.

Под утро он, убаюканный объятиями и теплом, открыл свои глаза, и, убедившись в реальности происходящего, попытался соскочить с моих коленей.

Ловко сделать у него это не получилось. Но когда он все же принял вертикальное положение, попытался высказать мне слова благодарности и извинений за всё, но выходило у него это сбивчиво.

Я остановил его:

– Не стоит благодарности, всё в пределах нормы, ты поступил бы в такой ситуации так же. Давай, раз уж судьба свела нас с тобой воедино, хотя бы познакомимся, и, протянув руку, назвал себя: – Иван Ильич.

Парнишка, вытянув худенькую ладонь, сказал, что его зовут Алексей, но можно просто Лешка.

Показав Лешке ванную, я сказал, что буду ждать его на кухне. Лешка вышел быстро, посвежевший, но все еще печальный.

Я же, как ни в чем ни бывало, разливал чай, доставал масло, сыр, готовил бутерброды.

Вдвоем мы быстро управились с едой. И, вернулись в комнату.

Я понимал, что Лешка, хоть и не подает вида и не говорит о случившемся, но оно по-прежнему не дает ему покоя. А он, спросив разрешения посмотреть книги в огромной библиотеке, направился к шкафу.

Доставая и листая некоторые книги, он немного погодя обернулся ко мне и спросил:

– Почему? Ну, скажите мне, почему жизнь так несправедлива? За что людям даются такие муки? Почему, если у человека открытое и доверчивое сердце, то именно по нему он получает больше всего? Что заставляет людей делать больно даже близким? Почему, делая больно, они не чувствуют, что наносят смертельные удары? Что это? Справедливо ли это? И есть ли она, эта самая справедливость?

Он продолжал: – Вот вы, Иван Ильич, вы прожили долгую жизнь, вы-то наверняка знаете, как найти справедливость, если, конечно, она есть?

И Лешка начал перечислять все несправедливости, какие ему встречались в жизни. Начиная от несправедливых оценок в школе, неверности друзей, предательства любимой девушки, отстраненного внимания родителей. Сюда же он отнес и несправедливости всего мира. Он не мог понять, почему же миллионы тонн продуктов утилизируются, в то время как множество жителей планеты голодают, почему страдают безвинные, почему дети несправедливы по отношению к родителям, и наоборот. Его почему, начавшись с несправедливостей личного характера коснулись несправедливости мировой.

Рассказал я Лешке, что всё в мире подчинено Закону. Который нерушим, он один, и действие его распространяется на всех одинаково. Он не учитывает общественных положений, рангов и званий. Ему безразличны расовая и национальная принадлежность. Он не различает вероисповеданий каких бы то не было. Перед Законом этим все равны.

Но для того, чтобы понять этот закон и принцип его действия, необходимо знать, что все мы братья по духу. Что изначально мы духовные существа, которые со временем приобрели одежды тел человеческих.

Что сделаны мы все для счастья и процветания и не только своей семьи, но и Родины, Отечества, Земли, всего Мира, который включает в себя все планеты, все Галактики, весь зримый и незримый Мир.

Основа наша – дух, а не тело. Но так как зарождение материи – процесс довольно долгий, это не просто года или тысячелетия, то память стерла у многих эту информацию, сохранив её в давних свитках древних мудрецов.

Так вот, отсутствие этой памяти у людей настолько испортило им жизнь, что они как младенцы носятся со своими печалью и страданиями. И понять не могут, почему так все есть.

А ведь на самом деле дух, «обрастая» телами более плотной материи, «закостенел» в этих оболочках так, что не может оттуда выбраться, чтобы заявить о себе. Человек же забыл Родину своей внутренней сути, он вообще забыл, что у него есть эта суть.

Но слава мудрецам и их знаниям, дошедших до нас. Благодаря этим знаниям и сейчас есть провидцы духа, то есть внутреннего содержания человека.

Но провидцы видят истинную сущность, то есть Свет, исходящий от духа. Видел ты, наверное, иконы, нимбы над головами святых людей, это и есть тот самый внутренний Свет, который видится людям. Дух их обладает такой несокрушимой силой, что его видно даже через толщу грубого материального тела человека.

Другие же люди могут видеть, чувствуют свет этот. Он видится им сиянием, но другим это сияние не видно никогда, потому что они настолько закрыты в материи тела, что их внутренний взор будто слеп. А раз человек слеп, то он и не верит, и не может поверить в реальность духа. В реальность свечения радости духа, любви духа. Но, поверь мне, что все это зрение доступно любому человеку, любому. Каждому, кто стремится узнать истинный Закон, перед которым все равны, открывается его истинная жизнь. А не жизнь плотного тела.

С исчезновением тела, со смертью, как это называют люди, дух не исчезает, он не исчезает никогда, до скончания веков он жив, он мыслит, он сознает.

Уверен, что и ты сейчас не вполне доверяешь моим словам. И это правильно. Все осознаешь, только приобретая опыт. Поэтому у тебя все впереди, главное, чтобы ты помнил, что ничто ниоткуда не возникает, и в никуда не исчезает.

Открывают только стучащему, находит лишь ищущий. Так было и так будет.

Может быть ты думаешь, что это сказки, придуманные для затуманивания и одурманивания людей. Так думает пока еще большинство людей. Но торопиться нет смысла. Без знаний не уйдешь далеко. А слепая вера только делает людей фанатиками. Знания превыше всего. Так есть и так будет.

Эх, Лешка, как бы мне хотелось, чтобы страдания никогда не касались тебя и людей. Но для того, чтобы ты понял, откуда они все же берутся, мы попробуем размотать клубок событий от человека до духа.

Хотя бы частично попробуем это сделать. Для того, чтобы ты знал, в каком направлении тебе искать потом тропинку-дорогу свою. И понимать справедливость как истину Закона.

Давай размотаем с тобой этот клубок и попробуешь ты увидеть, что несправедливости как таковой нет, не существует.

Да, скажу еще тебе, для того чтобы понять вопрос о Законе и о справедливости, надо предположить хотя бы то, что мы не есть одноразовые люди, мы жили и живем многократно, переходя из тела в дух и возвращаясь обратно в другое тело, то есть заново рождаясь. Или обретаем новые одежды земного тела.

Так вот, предположим, что в прошлой жизни ты, Лешка, был женщиной. Дух твой как был твоим, так и остался, но тело твоё было женским. И тебя в той жизни любил отважный и преданный рыцарь. Но ты, будучи женщиной, тогда отверг любовь этого храбреца. Не находишь ли ты сходства в том, что сейчас, когда тебя предала, отвергла девушка, к тебе вернулся твой долг? Ведь все содеянное нами всегда к нам назад и возвращается.

Лешка сначала сопротивлялся, говорил, что не может такого быть, но потом задумался. Затем кивнул, соглашаясь с доводами и объяснением-аналогией.

Я продолжил: – Или представь себе, что тысячелетия назад ты был монахом, который предал своего брата-монаха, так как не смог вынести иезуитских пыток и оговорил брата, предал его. И проведи параллель с предательством в нынешней жизни твоей, твоим же другом тебя.

Ты сокрушаешься об отсутствии справедливости. А в чем эта несправедливость? В том, что ты об этом не помнишь? Душа твоя, дух твой должен испытать много того, чего никогда она впредь не желала бы никому. А горький опыт того, что тебя отвергли, и предательства, намертво въедается в суть человека, заставляя душу становиться шире, крепче. И, испив чашу страданий от предательств, ты так крепко запомнишь это, что сколько бы раз ты не рождался потом человеком, не обретал бы одежд плоти, ты никогда не причинишь этой боли кому бы то ни было. Так горек опыт страданий. Но так велика и светла, становится твоя душа.

И тогда ты сможешь, возможно, понять друга, которого ты сейчас винишь. Он так же проходит опыт, который ты уже почти прошел и начинаешь понимать, что к чему. А друг твой не знает, что в будущем он будет кем-то предан. Его в данный момент лишь можно пожалеть, посочувствовать ему. Он-то, бедолага, не знает, какая его ждет участь. Предательство это страшно. Но его душа так же учится жить, и становится с каждым вздохом сильнее и мудрее. Просто души растут гораздо медленнее тел. Потому и печали в нашем мире так долго не проходят.

Или давай вернемся к твоим родителям. Ты говоришь, что родители всегда заняты, работают днями и ночами, а на тебя не обращают внимания, что ты предоставлен сам себе, и растешь будто трава.

А предположи, что в прошлом ты сам был беспечным родителем, оставив своих деток на произвол судьбы, ты устраивал свою жизнь так, как тебе хотелось. И здесь попробуй прове-

сти параллель. А может, именно тогда твои нынешние родители были твоими детьми, которых ты оставил.

Ковер жизни, сотканный из сотен, миллионов жизней настолько пестр, и настолько в нем переплелись нити всех жизней, что, казалось бы, потеряна нить, но нет, она лишь скрылась, чтобы потом засиять новыми красками.

Везде, куда бы ты ни посмотрел, везде физика. Сила действия равна силе противодействия. Просто иногда проходит много времени, и действие за давностью лет могло кануть в Лету, а противодействие от него проявляется только сейчас. Потому и трудно бывает людям понять причины противодействия, которые мы получаем в настоящем, как страдания и боль, и надо очень хотеть видеть в далеком прошлом то, что могло привести к таким следствиям.

Но ты, Лешка, верь, всегда ищи, не уставай учиться. Узнавай и помни, что все, что ты делаешь, все, о чем говоришь, о чем думаешь, все абсолютно вернется к тебе рано или поздно.

Но только не воспитай в себе страха перед будущим. Страх враг. Враг знаний, умений и жизни. Не давай ему прорасти в тебе и дать свои зловредные плоды.

Ведь мы затем и приходим сюда, в мир человеческий, земной, чтобы учиться.

Времени с момента первого нашего с Лешкой разговора прошло много. Но это не помешало нашей дружбе, а наоборот, сделало её ещё крепче.

Память

Когда началась война, мне было четыре года. То время запомнилось мне беспокойством родителей. Их тревога передавалась мне незримо.

Меня куда собирали, везли, мама неотлучно была со мной. Отец ушел на фронт добровольцем.

Помню землянку и чтение сказок. У нас появился всеми нами любимый учитель Марк Сергеевич. Этот добрейший учитель был так похож на волшебника из сказочного городка, что мы, иногда забываясь, так к нему и обращались, забывая начисто его имя и отчество. Его белая волнистая борода и очки, увеличивающие глаза, придавали ему вид волшебника родом с неизвестной нам звезды.

Благодаря Марку Сергеевичу и его незабываемым сказкам все дети, волею судеб оказавшиеся в лесном отряде, научились читать так быстро, что он и ахнуть не успел. И был очень удивлен нашими способностями к обучению. Он радовался как мальчишка нашим успехам. Говорил, что из нас получатся, когда мы подрастем, толковые люди, которые смогут жить в стране, которая будет жить без войн, в которой будет мир.

Очень всем нам запомнился рассказ «Старуха Изергиль», каждому из нас хотелось быть похожим на удивительного героя Данко. Да что там говорить, все мы хотели быть героями. Все хотели защищать Родину. Помогать отцам и дедам нашим.

Марк Сергеевич, наш волшебник, учил нас во всем походить на героев, и не стремиться к войне, убегая на неё сейчас, как Лешка. Лешка – это наш сосед по землянке, из нашей лесной школы. Он убежал на фронт ночью, когда наступило некоторое затишье. С той поры о Лешке мы не знали ничего.

Наш волшебник объяснял нам, что погибнуть в настоящее время проще простого. Враг не различает, ребенок перед ним или взрослый. Наша задача – выучиться и стать людьми, настоящими. Людьми, которые не теряются от одного вида неприятеля, а наоборот, становясь под взглядами врагов еще сильнее. Он говорил нам, что наша сила в нас, в наших сердцах, которые не просто отмеряют время жизни, а заставляют нас чувствовать горечь людей, окружающих нас, их боль, как свою собственную. Он пытался нам на примерах жизни и подвига Жанны д'Арк, Данко, Прометея, показать, насколько силен человек своим бесконечным стремлением к высшим идеалам, что ничего недостижимого нет. Что все наши страхи и наш героизм живут в наших сердцах, и только от нас зависит, сумеем ли мы зажечь свои сердца героизмом, или струсим и покроем свои сердца пеплом, густым и непроницаемым.

Мы как один хотели быть героями, мы учились всему. Дисциплине, порядку, беспрекословному подчинению нашему волшебнику. Наши юные сердца уже горели, и от нас зависело, дадим мы угаснуть этому огню или нет.

Мы старались изо всех сил. Учились таскать тяжелые ведра с водой, помогая нашему повару Мане, учились дочиста чистить котелки, мы старались всю работу, доверенную нам, выполнять с честью, на совесть. Марк Сергеевич говорил нам, что даже в малейшем деле небрежность, допущенная нами, может повлечь неисправимые ошибки. И потому старались все сделать так, будто мы делали это для какого-то экзамена, смысл которого был понятен только нам.

Благодаря нашему волшебному учителю, и, возможно, суровым условиям жизни в лесу, мы быстро выросли.

Сейчас, когда я пишу этот небольшой рассказ о начале нашей жизни в лесу, мне уже шесть. И пишу я это с единственной целью – попытаться не забыть то ощущение, сохранить тот наивный взгляд из самого детства на саму войну, хотя мы её и не видели. Мы чувствовали её во всем. Война оставляла горький привкус в каше, добавляя туда запах гари в воздухе, свист

падающих снарядов. Добавляя слезы боли от потери не возвратившихся из разведки бойцов. Сердца наши каменели от горя, но горели по-прежнему. Мы хотели во всем помогать нашим товарищам, и мы помогали, как могли. Мама бинтовала всех раненых, мы сопровождали подводы с тяжелыми ранеными в тыл. Возвращаясь и петляя по лесам и полям.

Мы сражались, пусть и не в открытом бою, но старания наши не пропали. Многие бойцы из тех, которым мы помогли, вернулись в строй. Марк Сергеевич нами гордился.

А сегодня нас хотят перевести в безопасный район, говорят, что про наш отряд стало известно неприятелю. И нам необходимо сменить место.

Долго не писал, не мог, а потом я забыл все.

Помню одно, стою я в поле один. Поле зелено, тишина. За мной огромное строение, оно пусто. Нет людей. Никого нет. Я один. У меня нет имени. И помню еще, что мне шесть лет. Войны нет.

(Эти записи найдены при разборе старого большого хлева, спрятаны они были за косяк входа и свернуты в несколько тонких трубочек. Написано все было крупным детским почерком чернильным карандашом, на обрывках старых обоев).

Река

Как я выбрался из реки, не помню. Последние ощущения были болью. Ноги от ледяной воды свело крепкой судорогой.

Очнулся я в теплой избе. Около меня сидел худой дед с белой шелковой бородой. Он, смачивая тряпку в чаше, прикладывал её к моему лбу. И шептал-шептал что-то на непонятном мне языке.

Я хотел сказать что-то деду, но язык не послушался меня. Я смог только промычать что-то невнятное. Дед, увидев, что я приоткрыл глаза и силюсь ему сказать что-то, проговорил тихо:

– Спи, касатик, не время тебе еще просыпаться. И я снова погрузился в тепло сна. В нем я плыл по реке в широкой крепкой ладье. Кормчий стоял у руля, глядя вперед, изредка бросая взгляды в мою сторону. Солнце светило ярко, но не опаляло лица. Река была бесконечна и тиха. Сон, прерываясь, вновь начинался рекой, и опять и опять было тепло и спокойно.

Когда я проснулся окончательно, я почувствовал в себе силу молодого коня. Мне захотелось тут же вскачь пуститься по лугу, захотелось взлететь ввысь жаворонком, и, расправив крылья в полете, парить над бескрайними полями и синей дорогой реки.

Изба была пуста. Окна отворены настежь. В них летела песнь лета и жизни, принося с собой запахи скошенной травы и густого парного молока.

Спустив с лавки, на которой я лежал, ноги, я понял, что они не чувствуют половиц, нагретых солнцем, и не слушаются меня. Я хотел закричать песню радости, пытаюсь прогнать наваждение болезни, но вместо крика и слов раздался стон, похожий на мычание не подоенной вовремя коровы.

Низко кланяясь, в избу, отворив дверь, зашел дед. У двери была слишком низкая притолока. Потому ему и приходилось сгибаться почти в треть роста. Увидев меня сидящим на лавке, он произнес:

– Здравствуй, касатик! Здравствуй, родненький мой! Ожил, значит? Я знал, что выздоровеешь ты. Погоди-ка, милый, схожу за молочком, посиди так немного, подожди меня, я мигом обернусь, да к тебе ворочусь.

И дед, низко наклоняясь, скрылся за дверью. Вернулся скоро, неся в руках кувшин с молоком, приговаривая:

– Касатик мой, родненький, как я рад, что ты здоров!

Налил из кувшина молоко в миску, отломил хлеба ломоть и пристроился рядом со мной. И макая хлеб в миску, он начал кормить меня. Затем дал напиться вволю молока. Когда уже понял, что я сыт, дед спросил:

– Наелся? Силы появились?

Я вновь попытался сказать ему, что более вкусного молока и такого хлеба не ел никогда, и ожидал от себя опять мычания или невразумительной речи. И был удивлен сам на себя, когда сказал деду вполне отчетливо:

– Благодарю вас, дедушка! Я сыт!

И от радости, что я говорю, я крепко обнял деда. И тут же попытался встать. Я встал! И тут же пустился вскачь! Захлопал себя по груди и по ногам! Я звонко крикнул:

– Спасибо тебе, небо! Спасибо тебе, дед! Я в раю, и от этого очень счастлив!

– Угомонись, непоседа! – ласково сказал дед, с любовью глядя на мои прыжки. – На земле ты еще, не в раю. Рано тебе в рай, погоди немного, поживи еще.

И слова его успокоили меня немного, и я присел рядом с ним.

– Помнишь ли, касатик, – продолжил говорить дед, – как в реку попал?

И закрутились темные полосы воспоминаний. И я начал говорить:

– Я бежал, долго бежал, убежал. От кого и куда – не помню. Как ни силился я вспомнить, от кого убежал, не смог этого сделать. Река. Реку помню хорошо. Назад нельзя. Вправо и влево нет дороги. Только река. А стояла осень глубокая, печалью полная, поникшие от проливных дождей нивы, дрожащие на ветру кусты, сбросившие наземь всю листву. Но река была для меня спасением. И с высокого обрыва я прыгнул вниз. Преследователи, увидав меня далеко внизу, долго стояли у крутого берега. Ушли лишь тогда, когда скрылась моя голова в свинцово-холодных водах реки.

Я помню этот момент, помню эти жуткие фигуры в сером, они наблюдали за мной. А потом, ноги, боль жуткая, будто молнией пронзило меня насквозь, а потом помню только избу эту и вас, дедушка. И всё, на этом мои воспоминания о реке закончились.

– А зовут-то тебя как, касатик? Нарекли тебя как при рождении?

– Имя? Моё имя? – я снова переспросил деда.

– Да, касатик, имя ангела твоего как? Неужели забыл?

Я морщил нос, тер лоб. Нет, имя не вспоминалось. Ничего, кроме погони и реки. Ничего. Как будто я появился в момент погони, а потом уже очутился в доме деда.

– Нет, дедушка, ничего не помню. Имени не знаю своего, но пение птиц мне знакомо, вкус молока знаю, что ты дед – тоже знаю. А кто я не помню.

– Ну что ж, и так бывает. Коли время наступит, так вспомнишь, а коли нет, то будешь ты касатиком.

Давай-ка я расскажу тебе, как нашел тебя, да лечил осень всю, да зиму долгую.

И полился рассказ деда.

– В день тот дождливый на огороде я копался, огород мой к реке примыкает. Копал я последнюю репу да свеклу. Вдруг слышу плеск сильный да гомон далекий. Поднялся в рост-то я, да и вижу, что стоят над обрывом всадники в серых одеждах, да руками в реку указывают. Пригляделся, а в реке, то показываясь над волнами, то скрываясь в них, голова пловца светлая виднеется.

То тебя, касатик, увидел, – и он погладил меня по вихрам.

И вдруг ты пропал, нет над волнами никого. Развернулись всадники, да прочь подались, видно их устраивало то, что пловец не показывается над водами.

Я тут же бегом к реке пустился. Пока бежал, гряды перескакивал, над рекой зарево светлое засияло. Как раз в том месте, где голова твоя под воду ушла. Зарево-то становилось все мощнее и сильнее, будто зажглось солнце под водами реки. И явилось мне чудо-чудесное. На ладони солнечной, показавшейся из реки, лежал ты. Жив-живехонек, только без чувств. Понесла ладонь солнечная тебя, будто ладья, к берегу, да к месту тому, где я стоял. Донесла сияющая ладья тебя, а я уже в воде стою, тебя жду. Так вот в руки мне тебя и передали, а уж осень долгую да зиму лютую мы с тобой вдвоем и пережили в избушке этой.

Я сидел и смотрел на деда так, будто из сказки древней он мне сказания говорит.

А потом, вспомнив сон свой, в котором я в ладье плыл долго, рассказал ему об этом сне.

– Ну, вот видишь, – сказал дедушка, – и ладью ты помнишь, и солнышко.

А я-то знал, что чудо мне послано. Горевал я в последнее время часто. Старуха-то моя померла по той весне. А уж прожили мы с ней почитай уж лет восемьдесят. А чудеса всегда посылают нам. Не забывает нас Творец, напоминает нам, чтобы не печалились, что и мы, старики, пригодиться можем. Вот сидел бы я в избе печалился, да не бы увидел тебя и ладьи солнечной.

Ты, касатик мой родной, меня спас. А я тебя. Так всю жизнь и живут люди. Помощью друг другу. Как руки одного тела живут. Жизнь мудра. И нас учит мудрости своей.

Как правая рука старается подхватить у левой, если вдруг устала вторая или заболела, так и нам, людям, завещано. Живи да помни, что в любви да в помощи друг другу наша жизнь.

АЛХИМИЯ

Удавалось ли вам из горького сделать сладкое? Из горя сотворить радость? Из свинца выплавить золото?

А хотелось бы принять участие в таком эксперименте?

Помимо моего желания, мне удалось стать не просто участником такого опыта, но и быть самым опытным материалом.

Как же всё случилось? Попробую описать эту историю. Возможно, что она поможет кому-то стать самому таким алхимиком.

Начало предвещало только радость. Новая работа. Всё новое. Предприятие, местожительство, люди, должность. Так много нового и интересного было, что глаза разбегались от созерцания возможностей, которые были заключены во всём и во всех. Но самый главный человек, который должен стать одним из ингредиентов опыта, еще не появился.

А вот и он. Красавец. Невысокий, но мускулистый, добрейшей души человек с искрящимися от радости жизни глазами. Он магнитом притянул мой взгляд к себе. И я пропала. Совсем пропала. Я не перестала спокойно спать, нет. Я просто всегда была рада ему. Во мне включалась особая лампочка, стоило ему лишь появиться на горизонте.

Для меня выходило так, что я могу лишь любоваться на него. Он был абсолютно несвободен. И у него, по слухам, была очень молодая жена.

Но я и не собиралась разбивать этот союз. Знала ведь, что на чужом несчастье счастья не построишь.

Но видимо лампочка-индикатор, которая горела во мне, видна была не только мне, но и объект моего пристального тяготения чувствовал этот свет. Потому через некоторое время он самостоятельно проявил интерес ко мне, вызвавшись как-то в одну из ночных смен помочь с тяжелой работой. Работа, незаметно для нас, была сделана превосходно и с легкостью.

И так продолжалось пару месяцев, возможно полгода. Когда уже не только нам с объектом моих чувств стали видны лампы, горящие уже в нас обоих, дело достигло критической отметки: его жена узнала о лампах, которые горели в нас. Не веря ни себе, ни людям, она пристально и с пристрастием допросила своего суженого о горящих отношениях. И была удивлена, что горению ламп не мешает женитьба. Её это огорчило сильно. Но решение лампового объекта было окончательным: конец отношениям с женой, и начало новых отношений, к которому его тянет с неудержимой силой.

Пережили всё. Пережили все. Каждый свою утрату переживал по-разному. Я, конечно, ничего не утратила. Я являлась лишь приобретателем объекта нового чувства, свободного от владения кем бы то ни было.

Мало-помалу жизнь шла. Лампы внутри горели и сияли. Жизнь казалась, нет, не казалась, она была мёдом, даже слаще.

Я понимала, что вот оно – счастье. Вот оно.

Но не всегда бывает небо ясным.

Пришла утрата и ко мне. Когда я думала, что жизнь – это самое лучшее на свете, что любимый с лампой сияющей мой навсегда, жизнь как привела это сокровище ко мне, так и забирала его от меня.

И в один из дней горящий сиянием сказал, что ему гораздо лучше без меня. Нет-нет, он меня любит по-прежнему, а может даже и больше, но он понял, что я стала тяготить его своим собственническим инстинктом.

Странно, но я за собой не замечала этого собственнического интереса. Иди куда хочется, никто его никогда не держал. Лишь слово верности ему мешало жить. Слово моей верности его тяготило. Слово его верности мешало ему жить так, как ему хотелось бы.

Передать всю боль, какую мне пришлось пережить от угасания лампы внутренней, невозможно словами. Этот удар вскрыл во мне такие пласты невежества моего, такие глубокие завалы незнания жизни и истины, что я удивлению даюсь и до сих пор.

Кстати, мужа моего всегда интересовало, как же мне удалось сохранить в себе такое удивительное зрение, которое равно зрению людей, живущих и видящих все в розовом цвете.

Цвет мой розовый не развеялся. Он прояснился. Боль, через которую мне пришлось пройти, помогла мне увидеть не только себя, но и мужа своего таким, каким он был рожден, таким, каким он должен быть. И еще она сделала меня такой, что я смогла увидеть жизнь изнутри. Такой удивительной мне она показалась, что я и сама дивлюсь, как же я жила до этого, почему я не умела сиять такими огнями сразу. Что мешало мне любить так, как я научилась теперь?

Боль, заставляющая замирать сердце. Боль, рвущая изнутри всю меня на части, от непонимания, почему от меня отвернулся любимый. Нет, меня не перестали любить, но от меня отошли дальше, чем надо бы. Боль настолько остра, настолько постоянна, что, казалось бы, с ней можно свыкнуться. Но с болью нельзя породниться. Боль – это неестественное для любого организма чувство. Боль, страдание – это лишь один из ингредиентов опыта по изменению человека. Кого-то она убивает, ставит на колени, заставляет ломаться, повергает в уныние, заставляет отвернуться от жизни с отвращением, а кому-то она словно бальзамом лечебным ложится на рану, даруется с любовью, пусть та любовь и странна. Но лишь боль эта даёт понять, даёт переплавиться горящему внутри огню, горящему чувству в недрах сердца в настоящее чудо, чувство понимания единства со всем сущим. Она – боль-благодарение. Она – эликсир. Горький эликсир, но такой необходимый для познания самого себя.

Может быть, и вправду так становятся алхимиками самих себя. Возможно, что так и плавятся чувства в огне сердца? Может быть, таким образом и появляется истинная любовь? Не она ли и есть то самое золото, которое должно выплавиться из свинца? Кто знает?

Скрипка

В своих странствиях я не искал счастья или любви, я просто бродил по свету. Я наслаждался рассветами, я пел с ручьями их нежные песни, я восхищался рассветами и закатами, с упоением смотрел на звёздное полотно ночного неба, я странствовал.

В один из дней я зашёл в городок, что лежал у меня на пути, и, зайдя в харчевню, заказал себе похлёбки да густого пахучего кваса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.